

А-Синь величаво стояла на пороге парадного зала резиденции Хуайчэнь. Все окна по периметру были наглухо перекрыты личными гвардейцами Ли Яньи, оконные проёмы на трёх стенах располагались слишком высоко, и прорваться сквозь них было задачей не из лёгких. Единственным идеальным уязвимым местом для штурма оставался парадный вход, где и застыла А-Синь.

Именно этот створ и стал главным эпицентром яростной атаки мятежников.

Среди тех, кто ныне взял Хуайчэнь в глухое кольцо оцепления, были как основные отряды, набранные Се Фучэнем во время северного похода, так и личная гвардия дома Се, а в самой гуще штурмовых колонн хаотично перемешивалась огромная масса повстанцев из «Армии Жёлтой Земли». За исключением личных гвардейцев командующего, вся эта орава знать не знала А-Синь в лицо и понятия не имела, что женщина, вставшая щитом на защиту Ли Яньи, родная дочь самого Се Фучэня.

Мастер скрытого клинка Хан Ле колебался, не зная, стоит ли ему идти на штурм. Он то и дело бросал тревожные взгляды на Се Фучэня, выжидая от него внятного приказа. Однако командующий продолжал хранить гробовое молчание, словно в этот миг напрочь позабыл даже о страшной, сочащейся кровью ране на собственной груди.

Его дочь стояла прямо перед ним, недвижимая как монолитный утёс, но готовая в разгар атаки сорваться со всей сокрушительной мощью яростного грозового разряда.

Уклониться от её длинного меча не дано было ни одной живой душе.

А-Синь полностью отрешилась от терзавшей её тело адской муки. Взгляд её был зорким, точно у горного орла, и сосредоточенным, как у хищного волка. Движения каждого, кто дерзал ринуться на неё со сталью в руках, она видела кристально чётко. И неважно, какое оружие сжимал в руках противник. Будь то сабли, копья, мечи, алебарды, боевые топоры или трезубцы, и шли ли враги сплочённой группой или летели в лобовую атаку в одиночку, ответ А-Синь всегда был неизменен: один ювелирный, молниеносный и невесомый полёт её клинка, и нападавший замертво валился на землю.

Этот выпад со стороны казался обманчиво лёгким и изящным. Обступившие крыльцо свирепые воины в полном недоумении не могли взять в толк, отчего эта слабая барышня одним едва заметным росчерком острия меча без труда забирает чужие жизни? Неужто эти глупцы, летящие на верную смерть, околдованы злыми чарами или она одним взором выпивает их души?

Обычные неотёсанные рубаки, привыкшие уповать в бою лишь на грубую мужскую силу и слепо размахивать дубинами, разумеется, были слепы перед лицом высшей школы фехтования А-Синь. Во всём этом тысячном окружении перед залом только один Хан Ле был способен до мельчайших крупниц оценить всю пугающую, абсолютную мощь её боевого гения.

Воин, способный выстоять в изнурительной схватке в сотню раундов и вырвать победу,

безусловно, силен, но перед А-Синь такие мастера не стоили и ломаного гроша.

Она была бойцом абсолютной, недостижимой вершины.

Окружающие видели лишь то, что А-Синь умело использует преимущество узкого дверного створа, не позволяя мятежникам навалиться на неё всей лавиной стали одновременно и вынуждая их атаковать группами максимум по четыре-пять человек, а потому наивно полагали, будто девица просто заняла выгодную позицию.

Однако рельеф здесь был совершенно ни при чём. Окажись на её месте любой другой признанный мастер, удержать этот рубеж в одиночку против целой армии ему бы не удалось при всём желании. Высшим и самым неопровержимым доказательством её запредельного мастерства было то, что за всё время непрерывной резни подошвы сапог А-Синь ни на шаг не сдвинулись с тех самых точек на полу, где она застыла в самом начале.

Будучи выдавшим виды армейским генералом, А-Синь накопила колоссальный опыт ведения реальных сражений. И особенно опыт ведения оборонительных боёв в абсолютном меньшинстве, который у неё был богаче, нежели у большинства столичных мастеров боевых искусств. Как в долю секунды нащупать скрытый изъян в стойке врага и одним единственным ударом оборвать его жизнь ещё до того, как его собственное оружие сорвётся с места? Постичь эту сакральную истину невозможно, если твоё существо ни разу не балансировало на тонкой грани между бытием и вечной смертью в хаосе лобовых атак.

Пока этот абсолютный, несокрушимый исполин войны стоял живым щитом на пороге, Се Фучэнь мог бросить на штурм ещё хоть целую тысячу верных ратников, но забрать жизнь Ли Яньи им бы всё равно не удалось.

– Господин Се, – Хан Ле негромко окликнул маршала, вновь пытаясь вывести его окончательное решение.

Убить её или пощадить?

Для самого Хан Ле священный долг чести и верность слову стояли на самом первом месте, золото на втором, а перед лицом этих двух величий он без секундных колебаний пустил бы под нож даже кровного родственника. Однако Се Фучэнь был вылеплен из другого теста. А-Синь была его законной, любимой дочерью от первой супруги, и Хан Ле обязан был получить от командующего прямое и беспрекословное добро, прежде чем обнажить против неё оружие.

Сам наёмник ни капли не сомневался, что ему под силу ликвидировать А-Синь. Каким бы ювелирным и безупречным ни был её фехтовальный стиль и как бы лихо её клинок ни разил врагов с одного выпада, нынешняя А-Синь удерживала рубеж исключительно на остатках голого мастерства, и физических сил в её израненном теле почти не осталось. Достаточно было лишь сковать и намертво заблокировать её длинный меч тяжёлым блоком, а затем концентрированным штурмом ворваться в зал, и эта тонкая, хрупкая бумажная ширма рухнет в один миг, позволив выволочь узурпаторшу Ли Яньи на плаху за волосы.

Се Фучэнь так ничего ему и не ответил.

Потерявший слишком много крови, он уже полностью ослеп и оглох для всего остального мира, а в его зрачках отражался лишь силуэт его бьющейся на пороге дочери.

Не имея внятного приказа от господина, Хан Ле не смел пойти напролом, и ему оставалось лишь безвольно созерцать, как А-Синь одного за другим методично и хладнокровно выкашивает бросающихся на неё солдат.

А-Синь ювелирным поворотом кисти крутанула клинок, едва заметным, точечным выпадом коснувшись пространства под самым подбородком очередного нападавшего. Это движение было исполнено такой лёгкой, непринуждённой грации, словно великий художник наносил финальный, безупречный мазок на шедевральный холст. В то же мгновение в гортани врага разверзлась глубокая, зияющая рана и густой фонтан крови со шлепком окропил стены, а солдат замертво рухнул ничком на каменные плиты.

Перед порогом А-Синь уже успела вырасти настоящая гора из окровавленных трупов. Каждый из мятежников в толпе ежесекундно надеялся, что в следующий миг силы окончательно покинут девицу и она рухнет без чувств, а потому солдаты, толкаясь и споря за право первыми сыскать великую славу триумфаторов, яростно рвались вперёд, надеясь скрутить её. Однако эта женщина, чей корпус уже заметно покачивался от дикого изнеможения, с каждой новой волной врагов будто лишь сильнее входила в боевой азарт и становилась всё свирепее.

– Следующий, – А-Синь уже полностью перестала чувствовать собственную покалеченную поясницу, её тело держалось в вертикальном положении исключительно благодаря тому, что она плечом плотно прижималась к дубовому косяку двери. Лицо её было пугающе бледным, латы насквозь пропитались холодным потом, но леденящая, острая сталь в глубине её зрачков оставалась неизменной.

Никто больше не осмеливался шагнуть вперёд.

– Ты, – А-Синь внезапно направила остриё меча точно в грудь стоявшего ближе всех к ней повстанца из «Армии Жёлтой Земли». – Выходи на бой.

Несчастный мятежник и без того уже дрожал всем телом от парализующего страха перед этой воительницей, а оказавшись под прицелом её клинка, в диком ужасе отшатнулся назад, едва не повалившись навзничь прямо на глазах у своих соратников.

Взирая на его жалкий, трусливый вид, А-Синь леденяще усмехнулась:

– И с таким ничтожным сбродом, с этой безмозглой оравой отребья вы надеялись перешагнуть через порог, который Я охраняю? Дерзнули посягнуть на Великую Юй? Глупые, пустые фантазии.

Из рядов замерших воинов медленным, тяжёлым шагом вышел сам Се Фучэнь и встал лицом к лицу со своей дочерью.

А-Синь ещё задолго до этой минуты знала, что он явится, однако до самого последнего мига так и не смогла решить в своём сердце, как именно ей надлежит встретить его.

Отец с самого детства относился к ней с безграничной нежностью и теплотой. В те годы она наотрез отказывалась обучаться традиционному женскому рукоделию-ньюхун и питала глубокое отвращение к изящной игре на цитре, вейци, канонам и стихам. Весь её интерес без остатка принадлежал лишь тяжёлым саблям, копьям, боевому мастерству и сакральным истинам трактатов о военном искусстве. Се Фучэнь ни разу не высказал ни малейшего протеста, а напротив, он со всей страстью поощрял А-Синь усердно трудиться на избранном поприще и лично разыскал для неё лучших боевых наставников Поднебесной. В отрочестве её узы с Се Фучэнем были безупречно крепкими, в её глазах отцовская любовь высилась непоколебимой горой, а сам он являлся сакральной опорой и сердцем всего дома Се.

Так продолжалось до тех пор, пока она доподлинно не узнала, что именно её отец сотворил с малолетней, беззащитной Вэй Тинсуй.

А-Синь с юных лет изводила себя жгучим любопытством, пытаясь разгадать, откуда на тонких запястьях Вэй Тинсуй взялись эти страшные, леденящие кровь шрамы от пыток. Ей казалось, Ли Яньи во всех деталях знала истину. Тогда ещё совсем юная, ведомая девичьим порывом А-Синь без умолку допытывалась у неё правды, однако принцесса напрочь замыкала уста и упрямо отказывалась проронить хоть слово.

- Даже если ты продолжаешь молчать, я и сама обо всём догадалась, - уверенно заявила семнадцатилетняя А-Синь.

Они с Ли Яньи лежали посреди священной рощи цветущих бегоний, и земля вокруг них была сплошь усыпана благоухающими лепестками. В этом уединённом уголке не было ни одной живой души, они остались абсолютно одни, лицом к лицу, и их неторопливая беседа могла длиться сутки напролёт.

- О? И что же успел состряпать в своей головке мой маленький вундеркинд? - Ли Яньи ласково протянула руку и аккуратно убрала нежный лепесток, упавший на уголок глаза А-Синь. Ей не хотелось, чтобы хоть малейшая тень застилала красоту этих прекрасных глаз.

- Всё это напрямую связано со мной, - твёрдо отрезала А-Синь.

- Почему ты так думаешь?

- Будь это не так, с какой стати ты бы стала утаивать от меня истину?

Ли Яньи лишь ласково, загадочно улыбнулась в ответ, не сказав ни да, ни нет. Едва А-Синь приготовилась продолжить свой расспрос, как принцесса одним плавным рывком заключила её в свои крепкие объятия, принимаясь нежно баюкать и успокаивать её, точно капризную, устроившую истерику кошку.

– Тебе строго-настрого запрещено проявлять интерес к кому бы то ни было в этом мире, кроме меня, – Ли Яньи мягко коснулась губами её лба. – Иначе я начну безумно ревновать.

А-Синь кротко прильнула к груди Ли Яньи. И пусть её существо всем сердцем тянулось к этой благодатной, хрупкой нежности, в самой глубине её души тревожным набатом продолжало биться предчувствие беды.

Леденящее, удушающее беспокойство пустило корни в её разуме: она уже твёрдо знала, что её догадка безупречно точна.

Раз Ли Яньи ни под каким видом не желает открывать ей правду, значит, она добудет этот ответ своими силами.

К тому времени А-Синь уже в совершенстве овладела множеством сложнейших техник глубинной разведки и шпионажа, она была способна ювелирно, втайне от окружающих расставлять свои потайные живые глаза и уши, выведывая любые секреты.

Она проявила беспрецедентную дерзость, умудрившись внедрить своих лазутчиков прямо во внутренние покои поместья Вэй. Сводя воедино разрозненные крупички и обрывки фраз, полученные от разных слуг дома Вэй, она капля за каплей соткала целостную картину происшедшего и от этого вывода волосы встали дыбом от первобытного ужаса.

Все те чудовищные увечья и деформации суставов на теле маленькой Вэй Тинсюй были безупречным шедевром её собственного родного отца... Он... Этот священный для неё человек оказался способен сотворить такое с невинным, крошечным ребёнком!

Она вновь бросилась к Ли Яньи, требуя окончательного подтверждения. Но принцесса, как и прежде, наотрез отказалась пускаться в долгие речи, ласково твердя, что А-Синь ещё совсем дитя и ей незачем забивать свой чистый разум дворцовой грязью. И в тот миг, когда Ли Яньи попыталась нежно прижать её к себе, А-Синь впервые во вселенной с силой оттолкнула её от своего тела.

– Ответ мне прямо здесь и сейчас – это чистая, неопровержимая правда?! Все шрамы на теле Вэй Тинсюй деяния рук моего отца, я права?! – А-Синь жаждала получить этот ответ во что бы то ни стало. И пусть её разум физически не способен был принять и переварить столь жуткую истину, оставаться слепой она больше не могла.

– А-Синь, – те слова, которые Ли Яньи произнесла в тот памятный день, барышня Се не могла стереть из памяти до самого конца дней. – Тебе пора наконец понять, что этот подлунный мир

вовсе не соткан из одного лишь чёрного и белого цвета. И я храню это безмолвие вовсе не потому, что мне до безумия хочется сберечь чьи-то грязные секреты. Я просто всем сердцем не желаю причинить эту страшную рану тебе.

На протяжении долгих последующих лет А-Синь узнавала всё больше и больше.

Она капля за каплей, ценой собственной жизни познавала подлинный, страшный смысл тех слов Ли Яньи.

В самой этой фразе не было ничего заумного, многие в Поднебесной знали о сложности и неоднозначности этого мира. Вот только мало на кого из них эти слова наложили столь неизгладимый, выжженный в самом сердце клеймящий отпечаток, как на саму А-Синь.

В конечном счёте она так и не смогла принять ни одну из сторон. Она умышленно изо всех сил держала дистанцию как с Ли Яньи, так и со своим отцом Се Фучэнем. Но когда Старшая Принцесса окончательно укрепила свои позиции, а Се Фучэнь превратился в главную опору Ли Цзюя, их лобовое противостояние при дворе разразилось такой безумной, кровавой бурей, что А-Синь приняла решение бежать вон из долин Суйчуаня, прочь из самой столицы Жунина. Ей было абсолютно плевать, на какую именно приграничную заставу её забросит устав, она лишь всем сердцем стремилась оказаться как можно дальше. Ей невыносимо было созерцать Ли Яньи, и столь же невыносимо было видеть собственного отца.

Там, на передовой, бесконечно балансируя на грани жизни и смерти, топча ногами горы неизвестных трупов и выкашивая врагов ради спасения крепостей, она порой начисто забывала, кем является сама. Но стоило очередной битве утихнуть, и взгляд её падал на расшитый бегониями шёлковый мешочек на её поясе, который она так и не нашла в себе сил выбросить. Всякий раз, когда бледная, холодная луна поднималась над степью и она в одиночестве осушала чашу посреди буйного веселья победных костров, сочного, сочащегося жиром жареного барана и безумного ликования её сослуживцев... Всё это счастье оставалось для А-Синь лишь мимолётным, призрачным видением. В какую-то короткую секунду её разум неизбежно возвращался к образу улыбающейся Ли Яньи, уносился за тысячи ли к просторам покинутой родины, возвращая ей память о собственной судьбе и утерянном прошлом.

Она наивно полагала, будто способна до гроба оставаться преданной лишь своему правителю и спасению Великой Юй. Но реальность доказала, что в конце концов любой человек Поднебесной способен хранить верность лишь самому себе. Верность самым сокровенным, подлинным чувствам своей собственной души.

– А-Синь, – Се Фучэнь медленно сделал шаг вперед из толпы. Его грудь была превращена в сплошное кровавое месиво. Точно так же, как и его дочь, он держался на ногах из последних сил, и мог замертво рухнуть на камни в любое следующее мгновение. И всё же они оба упрямо продолжали стоять.

– За всю твою жизнь твой отец ни разу не принуждал тебя идти наперекор твоей воле. Когда ты пожелала порвать с домом Се, когда решила уйти на приграничные заставы и даже когда

завязала эти свои узы с Ли Яньи, отец ни единым словом не встал на твоём пути. Мне было абсолютно плевать, что говорят за моей спиной в министерствах. Я с пелёнок твердил тебе: никогда не оглядывайся на чужие косые взгляды, и если твой разум велит тебе совершить поступок, то иди и верши его... Все эти годы ты всё делала безупречно, ты всегда была наивысшей, священной гордостью своего отца. И лишь сегодня... Лишь сегодняшний день стал исключением. Отец умоляет тебя.

Чего А-Синь никак не могла ожидать, так это того, что грозный Се Фучэнь внезапно согнёт поясицу и отвесит ей глубокий, смиренный поклон.

- Не заставляй своего отца на закате дней лишиться последней дорогой его сердцу родной души.

Видя, как её собственный отец кланяется ей, А-Синь почувствовала, что её рассудок окончательно мутится, перед глазами всё поплыло, и она едва не рухнула без чувств.

- О-отец... вам нельзя так поступать...

- А-Синь, отойди.

Меч в руке А-Синь судорожно, мелко задрожал. Она созерцала, как Се Фучэнь шаг за шагом приближается к ней вплотную.

Он шёл с абсолютно пустыми руками, без оружия, в его движениях не было ни малейшего намёка на подготовку к нападению. Он просто величаво и прямо продвигался вперёд, словно собирался перешагнуть через порог самой обычной, заурядной комнаты в своём доме, дюйм за дюймом приближая собственную грудь к сверкающему острию её меча.

А-Синь попятилась назад на полшага, и Се Фучэнь тут же сократил дистанцию. Дочь отступила ещё раз, пока спина её намертво не уперлась в стену. Бежать дальше было некуда.

Се Фучэнь застыл вплотную к ней. Расстояние между отцом и дочерью теперь измерялось лишь длиной её собственного клинка, который она в полном оцепенении и нерешительности занесла вверх, едва ли не вертикально прижимая к корпусу.

Стоит ей опустить оружие и уйти в сторону, как Ли Яньи в ту же секунду будет растерзана лавиной солдат прямо в этом зале. Но сделай она один выпад вперёд, и её длинная сталь насквозь прошьёт тело Се Фучэня. Изнурённый ранами организм отца точно не перенёс бы ещё одного глубокого ранения.

Се Фучэнь был непреклонен. Его единственной целью было войти в эти покои и лично предать Ли Яньи смерти. И право остановить его или пропустить ныне не принадлежало ни законам, ни богам Поднебесной. Исход зависел исключительно от самой А-Синь.

Едва он сделал финальный широкий замах ногой, готовясь перешагнуть через порог, как меч А-Синь молниеносно лёг в горизонтальную плоскость, и холодное лезвие с силой прижалось прямо к его окровавленной груди.

Се Фучэнь опустил взгляд вниз, созерцая сталь в руках дочери, и вдруг разразился громким, безудержным хохотом:

- Надо же! Ты с твоей младшей сестрицей одна за другой, шаг в шаг, вознамерились своими клинками пресечь земной удел этого старика! Что ж, давай! Рази!

Се Фучэнь ещё никогда в жизни не чувствовал себя настолько беспомощным и связанным обязательствами, как за все эти недели, проведённые под непрерывными ударами гениальных интриг Вэй Тинсюй и будучи скованным по рукам и ногам тайной Чжэнь Вэньцзюнь. И теперь, ощущая холодную сталь А-Синь у своего сердца, он вместо страха почувствовал, как в его жилах с новой силой закипает бешеная, первобытная ярость воина. Он со всей силой подал корпус вперёд, наваливаясь на клинок:

- Если в твоём сердце зреет желание забрать мою жизнь, то верши свой суд без колебаний!

- Моей младшей сестрицей?! - от этих слов разум А-Синь окончательно зашёл в тупик. С каких это пор у неё объявилась какая-то кровная сестра? И в ту самую долю секунды, когда её бдительность на мгновение ослабла, Се Фучэнь совершил мощный, сокрушительный рывок вперёд. Острое лезвие с треском распорол ткань его одеяний. А-Синь была вынуждена в панике отпрянуть назад, но в то же мгновение фигура отца перед её глазами бесследно исчезла.

Тяжёлые дубовые створки дверей распахнулись настежь. Сама Старшая Принцесса Ли Яньи лично шагнула вперёд, заменяя собой измождённую А-Синь. Овеянная леденящей, монолитной жадой убийства, она встала лицом к лицу с Се Фучэнем.

Её дерзкое решение самолично открыть ворота и выйти навстречу опасности повергло стоявших во дворе воинов в полнейшее, парализующее изумление, ни один воин в толпе не мог предположить, что эта женщина обладает столь безумной, воистину величественной отвагой.

- Се Фучэнь! - Ли Яньи решительным движением укрыла А-Синь за своей спиной. Каждое её слово звучало точно острый клинок, безжалостно вонзавшийся в тело командующего. - Что десять лет назад, что десять лет спустя ты остаёшься всё таким же бесчестным подлецом! Ты ведь прекрасно знал, какая хрупкая натура у А-Синь, но без колебаний сыграл на её главной уязвимости. Да после этого ты вообще имеешь право именоваться её отцом?!

Се Фучэнь разразился громким, безудержным хохотом:

- На всём этом подлунном свете любой простолюдин имеет право клеймить меня за то, что я использовал А-Синь, но только не ты, Ли Яньи! Ты ещё десять лет назад до мельчайших крупниц

продумала, как сокрушить нашу семью Се, и именно ради этого приблизила к себе А-Синь. Ты ослепила её выгодой и совратила плотскими чарами, разве это не было с твоей стороны циничным использованием? Ты ведь с самого начала спала и видела, как в этот заветный день она поднимет оружие против собственного отца! Заставить мою родную дочь пустить мне кровь... Вы с Вэй Тинской поистине из одного гнезда вылупились, и методы у вас до тошноты одинаковые!

– Что?! – резко переспросила Ли Яньи. – Каким образом здесь вообще замешана Цзычжо?

Се Фучэнь едва заметно прищурился, лихорадочно соображая и пытаясь просчитать, сколько в этом внезапном изумлении принцессы подлинной правды, а сколько фальшивой актёрской игры. Неужто Ли Яньи в самом деле оставалась в полном неведении относительно тех потайных интриг, что Вэй Тинской соткала за её спиной?

Пока они обменивались этими хлесткими речами, затаившийся в засаде и долго выжидавший своего часа наёмник Хан Ле улучил идеальный тактический момент и нанёс свой сокрушительный удар. Словно вспышка молнии, его сталь пронеслась в каком-то верхке от корпуса Се Фучэня и с ювелирной точностью полетела прямо в область сердца Ли Яньи. А-Синь истошно выкрикнула: «Опасно!», вихрем скользнула за спину принцессы и косым, отчаянным взмахом меча на чистых рефлексх воина успела слегка отбить клинок убийцы в сторону. Меч Хан Ле не смог пробить грудную клетку Ли Яньи и забрать её жизнь, однако глубоко вонзился в её руку.

Хан Ле ухватился за этот драгоценный шанс и сделал мощный выпад вперёд, в один шаг оказавшись вплотную к Ли Яньи, чтобы завершить начатое. Но А-Синь, жёстко надавив на плечо принцессы, крутанулась на пятках, меняя их позиции местами, и своим собственным телом, приняв удар на спину, закрыла возлюбленную от клинка ликвидатора.

– Не смей проливать кровь А-Синь! – созерцая, как на теле его дочери проступили багровые струи, в ужасе заорал Се Фучэнь.

Сам Хан Ле тоже всем сердцем не желал причинять ей вреда, однако А-Синь заблокировала проход настолько плотно и монолитно, что не оставила убийце ни единого призрачного зазора, чтобы достать сталью саму принцессу.

Приняв на себя этот страшный удар, А-Синь даже не обернулась, её правая рука резким обратным выпадом направила остриё меча точно в глазное яблоко Хан Ле. Наёмник похолодел от испуга и поспешно вскинул оружие ради жёсткого блока, однако выпад А-Синь был подобен гибкой и коварной змее. Атака в лицо оказалась лишь искусным обманным финтом, и стоило ликвидатору приоткрыть корпус, как она, резко развернувшись, подсекающим ударом полоснула по его ногам. Хан Ле в затяжном прыжке отлетел назад, уклоняясь от ранения, и в ту же секунду во внутренние покои лавиной хлынули отряды командующего и «Армии Жёлтой Земли». Несколько сотен закованных в латы бойцов с рёвом втиснулись в тесный парадный зал Хуайчэнь, и вся ситуация в одно мгновение полностью вышла из-под контроля.

Немногочисленная стража резиденции несла колоссальные потери в живой силе и очень быстро лишилась большей части своего состава. А-Синь, отчаянно и насмерть прикрывая Ли Яньи, медленно пятилась к выходу, пытаясь вырваться во внутренние дворы, а Хан Ле, не сводя с них хищного взора, коршуном следовал по пятам.

Се Фучэнь всем своим существом жаждал оборвать земное существование Ли Яньи, но его собственная дочь упрямо, намертво связала свою судьбу с жизнью этой женщины, умышленно подставляя под клинки собственное тело, чтобы сберечь эту «чёртову ведьму»!

От такой невыносимой душевной муки и бессильной ярости кровь хлынула к его горлу, и он со стоном изрыгнул густой багровый сгусток прямо на каменные плиты.

А-Синь отступала с боем, ведя непрерывную битву, со всех четырёх сторон их ровными рядами зажимали штурмовые отряды врага, и казалось, что путей к спасению не осталось вовсе. Тяжёлые струи ливня застилали ей взор, а изнурённое ранами существо уже отчётливо улавливало леденящее дыхание скорой кончины.

И вдруг посреди бушующей дождливой ночи в небесах соткались очертания гигантских летучих мышей.

Их становилось всё больше, целые стаи кружили в вышине.

Поначалу рубившиеся на площади воины в хаосе резни не обратили ни малейшего внимания на это противоестественное явление. Между тем, эти странные существа, ювелирно ловя потоки штормового ветра под проливным ливнем, плавно и стремительно скользили по воздуху, целясь прямиком во внутренние дворы Хуайчэнь.

Наконец кто-то из мятежников вскинул голову и истошно закричал от ужаса.

Когда стая приблизилась к земле, взорам сражающихся открылась страшная истина: это были вовсе не животные! С небес, раскинув огромные крылья походных плащей-крыльев, летели сотни облачённых в глухие чёрные одеяния воинов!

Они обрушились на площадь точно карающие божественные посланники, застав беспечную армию Се Фучэня врасплох, и в одно мгновение принялись выкашивать солдат подчистую, не оставляя от их рядов и щепок.

А-Синь застыла в полном ошеломлении, не в силах взять в толк, кем же были эти внезапные спасители.

– Ох, опоздали, опоздали! Неужто вся знатная резня уже подходит к концу без нашего участия?

В эту секунду из туманной дали ночного неба величаво приплыл исполинский круглый шар. Внутри сферы непрерывно и ярко полыхало пламя горелки, а снизу была подвешена просторная плетёная корзина. На её бортах, крепко сжимая в руках оружие, стояли Чжансунь Жань (А-Ляо) и четыре её элитные воительницы. Повинуясь направлению ветра, воздушный корабль стремительно снизился и завис прямо перед Ли Яньи.

– Старшая Принцесса... Ах, нет... Ваше Императорское Величество! Ваша верная А-Ляо явилась с повинной, мы изволили изрядно подзадержаться в пути! Однако, чтобы довести наше мастерство до абсолютного идеала и безупречно исполнить сакральное поручение Вашего Величества, нам пришлось изрядно поломать голову и затратить колоссальные ресурсы. Ваша покорная слуга лично объездила все великие реки и горные хребты Великой Юй, чтобы поштучно, одна к одной отобрать пять сотен самых крепких, свирепых и одарённых женщин Поднебесной и сформировать из них эту элитную Женскую Армию! Наше сегодняшнее появление вышло слегка сумбурным, посему прошу Ваше Величество лично устроить нам боевой смотр!

Отчаянные, не знавшие страха воительницы из девичьих отрядов с ходу принялись громить ряды растерявшихся бойцов. Вся тактическая расстановка сил на площади в один миг претерпела колоссальный переворот. Однако Ли Яньи не позволила триумфу ослепить свой стратегический разум, жёстким выкриком она велела Чжансунь Жань немедленно перестроиться в оборону и под прикрытием щитов как можно скорее вывезти её вон из полыхающей резиденции Хуайчэнь.

– А с ней как быть? – А-Ляо бросила холодный взгляд на потерявшую сознание А-Синь. – Прикончить её?

Стоило Чжансунь Жань лишь мимоходом обронить этот вопрос, как четыре её элитные воительницы мгновенно выхватили из ножен острые клинки, нацелив их прямо в шею А-Синь. Скажи их предводительница ещё хоть слово, и жизнь барышни Се оборвалась бы в ту же секунду.

– Не троньте её! А-Синь, рискуя собственной жизнью, заслонила меня от меча, только благодаря ей я до сих пор дышу! – жёстко оборвала их Ли Яньи.

– О, раз так, то забираем её с собой, – Чжансунь Жань сделала знак одной из своих женщин, чтобы та подхватила раненую, однако Ли Яньи не позволила никому прикоснуться к телу А-Синь. Она собственноручно, бережно подняла её на руки и прижала к груди.

– Уходим.

Чжансунь Жань с тихим щелчком захлопнула свой боевой веер и с наигранным, глубоким умилением протянула:

– Жизнь и смерть – лишь мимолётный миг, и только истинная любовь вечна. Наш Сын Неба на редкость страстная и пылкая натура.

Ли Яньи лишь сквозь зубы процедила:

– ...Хватит болтать, быстрее убираемся отсюда.

Своевременное и сокрушительное появление отрядов А-Ляо вырвало Ли Яньи и А-Синь из стального капкана, вынудив Се Фучэня объявить экстренное отступление.

Мастер скрытого клинка Хан Ле намеревался любой ценой вывезти истекающего кровью Се Фучэня за пределы городских стен. Он трезво понимал, что если не прорваться сквозь заставы прямо сейчас, то как только карательные отряды Ли Яньи оправятся от шока и перейдут в контрнаступление, призрачные шансы выбраться из Жунина живыми сведутся к полному нулю.

Когда Се Фучэня, едва дышащего, бережно затащили внутрь повозки, он из последних сил мёртвой хваткой вцепился в ладонь Хан Ле:

– Теперь... Теперь Ли Яньи нам уже не достать, её не убить... Но у тебя... Есть куда более важная, священная миссия... Твой долг исполнить её прямо сейчас, не теряя ни секунды. Мой собственный земной удел больше не имеет значения, но есть одна тварь, которая обязана сдохнуть... Вэй Тинсюй! Ты должен во что бы то ни стало сорвать её голову с плеч! Иначе... Иначе всё наше государство...

Договорить ему не удалось. Его губы безвольно разомкнулись, и он затих. Перепуганный Хан Ле поспешно приложил пальцы к его ноздрям, и, к счастью, старый воин лишь лишился чувств от глубокой кровопотери.

Выделив несколько десятков лучших бойцов для охраны и сопровождения экипажа Господина Се за ворота, сам Хан Ле развернулся и вихрем помчался обратно к площади перед залом Тайцзи, чтобы пустить своих лазутчиков и выследить, где именно укрылась парализованная Вэй Тинсюй.

Тем временем на самой площади зала Тайцзи отряды Чжэнь Вэньцзюнь и Вэй Цзиньаня капля за каплей полностью подмяли под себя ход сражения и перехватили контроль над ситуацией. Разбитые, дезориентированные остатки войск в панике пятились вон из Запретного города, а Чжэнь Вэньцзюнь во главе конных разъездов летела за ними по пятам, методично выкашивая беглецов.

А-Сюнь спала и видела, как бы сойтись с Чжэнь Вэньцзюнь в смертельном бою и устроить схватку не на жизнь, а на смерть, однако сама Чжэнь Вэньцзюнь принципиально не желала вступать с ней в затяжные препирательства. Стоило ей заметить мелькавшие в толпе кинжалы названной сестры, как она ювелирными манёврами уклонялась от встречи, улетаая с саблей в совершенно другой конец площади, чтобы крушить иных врагов. От этой тактики ускользания А-Сюнь окончательно исходила жгучей яростью. Сообразив, что в лобовую её не поймать, она затаилась и вместе с когортой верных наёмников устроила засаду.

Жестокая битва постепенно выплеснулась на тёмные городские улицы Жунина. Заприметив, что Чжэнь Вэньцзюнь на одном из перекрёстков на секунду осталась без прикрытия своих всадников, укрывшаяся в глухом переулке А-Сюнь уже высунула голову, готовившись нанести коварный удар в спину, как вдруг дорогу ей жёстким, непреодолимым барьером перегородил кто-то третий.

Этим внезапным заступником оказалась женщина. Холодная гибкая сталь её клинка мелькала в воздухе с такой бешеной, ослепительной скоростью, что от её ножевых колес рябило в глазах, не прошло и пары секунд, как А-Сюнь уже получила несколько глубоких, сочащихся кровью порезов на плечах. Она вгляделась в лицо нападавшей, и в её глазах вспыхнуло пламя узнавания: Да ведь эта та тварь! Та самая верная ищейка дома Вэй, что в своё время, после трагической гибели Се Суйшаня в Нанья, гнала её по крышам домов и с которой они бились не на жизнь, а на смерть добрую половину ночи!

– Отлично, сама прибежала! – в бешеном ликовании вскричала А-Сюнь, сжимая кинжалы. – У меня к тебе как раз накопился старый, неоплаченный долг крови! Все до единого цепные псы семьи Вэй обязаны сдохнуть под моим клинком!

Этим карающим призраком была не кто иная, как сама Линби.

Она лишь леденяще, презрительно усмехнулась в ответ на её крик:

– Надо же, какая забавная ирония, ведь именно эти слова я и сама готовилась выплюнуть тебе в рожу!

В то самое время, пока Линби вела свою яростную стычку, Чжэнь Вэньцзюнь на другом конце улицы успела прикончить ещё больше десятка мятежников. Резня заставляла её кровь бешено кипеть в жилах, принося её существу пугающее, дикое упоение триумфом.

Она обернулась, чтобы отыскать взглядом А-Сюнь, однако фигура девушки бесследно исчезла из её поля зрения. Это показалось ей странным: неужто А-Сюнь не нашла сил продолжить погоню? Или же её успели пустить под нож в общей суматохе?

При этой мысли душу Чжэнь Вэньцзюнь затопил самый сложный хаос противоречивых чувств. Поколебавшись долю секунды, она всё же приняла волевое решение повернуть коня назад и отыскать А-Сюнь. Идеальным исходом было бы силой подчинить её, скрутить и тайно вывезти в безопасное место за ворота. Отказавшись лишать её жизни в этой бойне, она тем самым сполна вернула бы А-Сюнь долг за всю её былую заботу и теплоту и на этой скорбной ноте их названная сестринская привязанность была бы исчерпана и разорвана навсегда.

Между тем в тёмном переулке Линби, ведя дуэль один на один против А-Сюнь, капля за каплей полностью захватила инициативу. Холодное лезвие её гибкого меча уже готово было одним сокрушительным росчерком снести А-Сюнь голову, как вдруг её подколенный сгиб прошила дикая, пронзительная мука: кто-то коварно атаковал её из слепой зоны сзади. Линби на чистых рефлексах воина наотмашь крутанула клинок назад, однако нападавший ювелирным финтом

вновь проскользнул ей за спину, и второй точечный укол меча насквозь пронзил её вторую ногу.

Лишившись опоры в покалеченных ногах, Линби потеряла равновесие и с глухим стуком повалилась навзничь в дорожную грязь. Нападавшим был сам Хан Ле. Его клинок двигался с такой леденящей, бешеной скоростью, что не успела Линби и глазом моргнуть, как абсолютно все сопровождавшие её тайные стражи дома Вэй один за другим замертво рухнули на землю с перерезанными глотками.

Поверженная на плиты мостовой Линби похолодела от подступившего шока. Ведь те, кто шёл за ней в бой, по праву считались лучшими, прошедшими суровую школу убийц мастерами из личной тайной стражи Вэй и то, что этот зловещий незнакомец сумел в мгновение ока, одним росчерком забрать их жизни, доказывало, что перед ней стоял боец абсолютной, недостижимой вершины мастерства Поднебесной.

Один за другим верные слуги дома Вэй затихли в лужах крови, и Линби оказалась зажата в глухое кольцо Хан Ле, А-Сюнь и их выживших воинов посреди тупикового переулка.

Преодолевая муку, Линби силой воли заставила своё израненное тело приподняться из грязи. Не выказывая ни малейшего признака робости или страха перед запредельным потенциалом Хан Ле, она с диким замахом вновь бросилась в атаку. Убийца лишь едва заметно качнулся корпусом, уклоняясь от траектории её меча, и три его молниеносных, следующих один за другим выпада насквозь прошли бёдра Линби. Лишившись последних сил удерживать тело на весу, она с глухим стоном вновь рухнула на колени перед врагом.

Хан Ле лезвием своего меча грубо поддел Линби под подбородок, заставляя её вскинуть голову:

– Ничтожная рабыня дома Вэй... Выкладывай, в каких именно чертогах укрылась твоя парализованная хозяйка?

Линби лишь презрительно и леденяще усмехнулась ему в лицо. Напрягая остатки сухожилий, она всем существом мощным рывком подалась вперёд, умышленно насаживая собственную гортань на остриё его меча, она страстно желала мгновенной смерти, чтобы не выдать секреты госпожи. Однако Хан Ле, издавна искушённый в пыточном ремесле, заблаговременно разгадал её суицидальный маневр и со скоростью молнии отдёргнул клинок назад, а свободной левой ладонью с размаху вlepил Линби сокрушительную, звонкую пощёчину.

От этого удара Линби кувырком покатилась по залитой ливнем мостовой, и густая багровая кровь фонтаном хлынула из её разбитых губ.

Хан Ле неторопливо подошёл к ней, опустился на корточки и одним резким, безжалостным выпадом вогнал остриё меча насквозь прямо через ладонь Линби, наглухо пригвоздив её руку к земляной жиже. От невыносимой, разрывающей кости судороги Линби до крови прикусила собственную губу, но вопреки всему не издала ни единого крика боли, сцепив зубы в глухом

безмолвии.

– Надо же, собака семьи Вэй, а какая завидная, железная твёрдость духа, – Хан Ле мёртвой хваткой вцепился в её растрёпанные длинные волосы и с силой рванул голову Линби вверх, заставляя её в упор смотреть на себя. – Я прекрасно знаю, что умереть ты не боишься. Вот только на этом свете, помимо лёгкого ухода в могилу, существует великое множество вещей куда более жгучих, невыносимых и пугающих. Не пожелаешь ли ты испытать их на собственной шкуре, барышня?

Между тем Чжэнь Вэньцзюнь неслась по улицам всё быстрее и быстрее, сердце её колотилось в груди как безумное, а из-под копыт её лошади во все стороны летели веера грязной воды и ила.

И вдруг, сквозь сплошной рокот грозы, до её слуха долетел звук, заставивший её похолодеть. Это был истошный, полный нечеловеческой муки предсмертный вопль Линби.

Линби по самой своей природе никогда не была трусливой или слабой особой, способной легко покориться чужой воле. Её неистовый, гордый и свирепый нрав Чжэнь Вэньцзюнь знала как никто другой во вселенной. И то, что эта железная женщина сейчас не выдержала и сорвалась на крик, означало лишь одно: её тело прямо сейчас подвергают самым изощрённым, дьявольским и запредельным пыткам.

Разум Чжэнь Вэньцзюнь погрузился в парализующий хаос страха, ей до безумия хотелось, чтобы у неё в один миг выросли крылья, способные в долю секунды перенести её тело сквозь эти проклятые кварталы на помощь к подруге!

В эту же самую секунду в паре ли от городских застав сердце Вэй Тинсуй, укрывавшейся внутри повозки, внезапно пронзила такая жгучая, адская и разрывающая грудь боль, что она невольно со стоном сжала пальцами ткань одежды на своей груди.

– Госпожа?! – Сяохуа, неотлучно сидевшая рядом на облучке, мгновенно зафиксировала её опасное состояние.

– ...Разворачивай коней. Мы возвращаемся в город, – перевозмогая боль, леденящим тоном выдохнула Вэй Тинсуй.

– Но ведь... мы уже практически миновали столичные заставы и вот-вот вырвемся за ворота!

– Возвращаемся, – непреклонным, не терпящим возражений тоном повторила советница.

Сяохуа спорить не посмела, и ей оставалось лишь беспрекословно подчиниться приказу.

Пульс Вэй Тинсуй зашкаливал, сердце билось с такой бешеной, неестественной скоростью, что эта аритмия причиняла её слабому телу физическую муку.

В прошлый раз такое страшное, мистическое предчувствие беды сковало её существо лишь однажды... В тот самый роковой день, когда до её ушей донеслись первые вести о гибели её самого любимого старшего брата.

Наконец в глубине переулка показались тёмные силуэты.

Хан Ле и А-Сюнь тоже слышали шаги. Чжэнь Вэньцзюнь с ходу наступила ногой на мешок у входа в переулок и с диким криком взмыла в воздух, целясь остриём прямо в Хан Ле. Тот вскинул меч для встречного удара, и если бы Чжэнь Вэньцзюнь попыталась уклониться, у него наготове были десятки смертоносных комбинаций. Но, к его полному потрясению, Чжэнь Вэньцзюнь даже не подумала уйти от выпада. Она хладнокровно позволила мечу Хан Ле насквозь пробить собственное плечо, за счёт этого в долю секунды сократила дистанцию до упора и зажатым между пальцами кинжалом «Золотая цикада» полоснула его по горлу. Рухнувший на землю Хан Ле в яростной судороге сумел проскочить между длинными ногами Чжэнь Вэньцзюнь, чудом сохранив себе жизнь, но платой за это стал начисто выбитый глаз.

А-Сюнь и остальные наёмники тут же ринулись в бешеную атаку. Однако Чжэнь Вэньцзюнь, увидев лежащую в луже крови Линби, напрочь забыла обо всём на свете и одним мощным толчком отбросила А-Сюнь в сторону. Та полетела прямо на своих телохранителей, а Чжэнь Вэньцзюнь в это мгновение подхватила Линби на руки и бросилась бежать.

– В погоню!

А-Сюнь во главе отряда летела за ними по пятам. Чжэнь Вэньцзюнь, крепко прижимая к себе Линби, добежала до поворота улицы и ювелирно укрылась за походной телегой. Лишь когда шаги преследователей затихли вдаль, она снова бросилась бежать, на ходу отчаянно шепча раненой:

– Сестрица Линби... Сестрица Линби, умоляю, держись! Я сейчас же обработаю твои раны и остановлю кровь!

Линби не отвечала. Разум Чжэнь Вэньцзюнь погрузился в парализующий хаос, как вдруг лежащая у неё на руках девушка глухо закашлялась. Чжэнь Вэньцзюнь едва не разрыдалась от облегчения:

– Ты же меня до смерти напугала!

Однако Линби не стала, как бывало прежде, колко подшучивать над ней. С трудом сдержав очередной приступ кашля, она внезапно произнесла слова, которых Чжэнь Вэньцзюнь никак не ожидала услышать:

– Та женщина из семьи Се... Сказала, что ты их тайный шпион... И явилась в дом Вэй лишь ради того, чтобы предать смерти молодую госпожу. Это... Правда?

Чжэнь Вэньцзюнь как вкопанная застыла на месте. Колени её подогнулись, и обе девушки со всего маху повалились ничком в залитую ливнем дорожную грязь. Она поспешно приподнялась, пытаясь вновь бережно взять Линби на руки, но в этот миг отчётливо разглядела, что на теле подруги зияли не меньше десятка глубоких сквозных ран от меча, и вся одежда была насквозь пропитана багровой кровью. Линби мёртвой хваткой вцепилась в ладони Чжэнь Вэньцзюнь и, содрогаясь от муки, из последних сил тяжело повторила:

- Скажи мне... Это так?

Она неотрывно, не моргая всматривалась в зрачки Чжэнь Вэньцзюнь, и рокот бушующего ливня едва не глушил её тающий, угасающий голос.

Губы Чжэнь Вэньцзюнь судорожно дрогнули, она изговорила заговорить, но Линби выдохнула:

- Только не лги мне.

Эти слова заставили Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно лишиться дара речи. Сотни оправданий, уже готовых сорваться с языка, она была вынуждена проглотить обратно.

Смотря на это парализующее смущение подруги, Линби получила свой окончательный, страшный ответ. Крупные слёзы покатались из её глаз, но сил сказать что-то ещё у неё уже не оставалось.

Видя её слезы, Чжэнь Вэньцзюнь ощутила, как её собственное сердце разрывается от невыносимой, жгучей муки, она и сама не заметила, как по её щекам градом потекли горячие капли.

Взгляд Линби становился всё более туманным и остекленевшим. Крепко сжав руки Чжэнь Вэньцзюнь своими слабеющими пальцами, она слово за словом отчётливо произнесла:

- Поклянись мне... что ты не убьёшь молодую госпожу.

Чжэнь Вэньцзюнь в панике закричала:

- Сестрица Линби, к чёрту эти речи! Перестань, умоляю, дай мне забинтовать твои раны!

Она попыталась силой разорвать полы своего халата, чтобы соорудить повязки, но Линби упрямо удерживала её ладони, не позволяя отвлечься ни на секунду.

- Не убивай её... Обещай мне, - в её измученном существе не осталось больше ни грамма жизненных сил, и эти несколько слов прозвучали тихо и безвольно, точно сорванные осенним

ветром сухие листья. Превозмогая предсмертную агонию, она отчаянно, упрямо цеплялась за сознание, ожидая от Чжэнь Вэньцзюнь лишь одного единственного заверения. Чжэнь Вэньцзюнь мёртвой хваткой сжала её леденящие ладони в ответ, словно этот отчаянный жест мог силой удержать угасающую жизнь Линби.

– Я обещаю тебе, я обещаю! Слышишь?! Я собственной жизнью обязуюсь оберегать и защищать сестрицу Тинсуй от любой беды! – сокрушённо разрыдалась Чжэнь Вэньцзюнь.

Напряжённая, полная предсмертной тревоги маска на лице Линби на мгновение застыла, а затем плавно разгладилась, и её губы озарила мягкая, исполненная высшего облегчения и умиротворения улыбка. Её пальцы, сжимавшие ладонь Чжэнь Вэньцзюнь, бессильно разомкнулись и безвольно скользнули вниз.

Чжэнь Вэньцзюнь судорожно попыталась перехватить её руку, но пальцы лишь беспомощно скользнули по мокрой коже.

Рука Линби со шлепком упала в раскисшую придорожную грязь и замерла навеки.

<http://bllate.org/book/17227/1758152>